

Д.Е. Гришина

На передовой: создание и деятельность корейской дипломатической миссии в Токио, 1887—1894 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются причины и процесс создания, а также деятельность корейской дипломатической миссии в Токио в период с 1887 по 1894 г. Договор об установлении дипломатических и экономических отношений между государством на Корейском полуострове (Чосон) и Японией был подписан в 1876 г. Однако дипломатическое представительство Кореи в Японии было создано не сразу. Основанное в 1887 г., посольство Чосон в Токио просуществовало до 1905 г. Вплоть до начала первой Японо-китайской войны (1894—1895) оно играло ключевую роль в корейских дипломатических обменах не только с Японией, но и со странами Запада. Именно через дипломатов в Токио страна, находящаяся в вассальной зависимости от Китая, проводила независимую внешнеполитическую линию.

Ключевые слова: Чосон, Корейская империя, корейско-японские отношения, XIX в.

Автор: Гришина Дарья Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Школа востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Государственный академический университет гуманитарных наук. ORCID: 0000-0002-9418-4677. E-mail: degrishina@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гришина Д.Е. На передовой: создание и деятельность корейской дипломатической миссии в Токио, 1887—1894 гг. // Корееведение. 2023. № 4 (5). С. 19—28. DOI: 10.48647/ICCA.2023.35.38.003.

D.E. Grishina

On the Front Line:

Establishment and Activities of the Chosŏn¹ Legation in Tokyo, 1887—1894

Abstract. The article examines reasons behind the creation and the activities of the Korean diplomatic mission in Tokyo from 1887 to 1894. The Treaty of diplomatic and economic relations between the state on the Korean Peninsula (Chosŏn) and Japan was signed in 1876; however, Korean diplomatic representation in Japan was not established immediately. The Chosŏn Embassy in Tokyo, established in 1887, functioned until 1905. Until the First Sino-Japanese war (1894—1895) it played a key role in the country's diplomatic exchanges not only with Japan but also with Western powers.

¹ Редакционный совет принимает статьи с транскрипцией корейских слов на английский язык на усмотрение автора: по системе романизации Маккьюна—Райшауэра или по новой романизации корейского языка. (Прим. гл. ред.). Legation in Tokyo, 1887—1894.

Through its diplomats in Tokyo, Korea, a dependent from China state, pursued an independent foreign policy.

Keywords: Chosŏn, Korean empire, Korean-Japan relations, 19th century.

Author: Daria E. GRISHINA, Ph.D (Korean history), associate professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, State Academic University for the Humanities (GAUGN). ORCID: 0000-0002-9418-4677. E-mail: degrishina@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Grishina D.E. (2023). Na peredovoj: sozdanie i deyatel'nost' korejskoj diplomaticheskoi missii v Tokio, 1887—1894 gg. [On the Front Line: Establishment and Activities of the Chosŏn Legation in Tokyo, 1887—1894]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2023, 4 (5): 19—28. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.35.38.003.

Подписание японско-корейского договора 26 февраля 1876 г. стало переломным моментом, ознаменовавшим включение государства на Корейском полуострове (Чосон) в глобальные дипломатические процессы. Договор предусматривал обмен посланниками и учреждение постоянных дипломатических представительств в Чосон и Японии. Несмотря на то, что первый полномочный японский посланник прибыл в Сеул уже в конце 1877 г., корейская сторона не сразу воспользовалась правом на создание дипломатического представительства в Токио. Ряд внутриполитических факторов (возросшие на фоне попыток японского правительства укрепить свое присутствие на Корейском полуострове антияпонские настроения, которые вылились в два вооружённых восстания — 1882 и 1884 гг.) обусловили незаинтересованность корейского правительства в дипломатической репрезентации в Токио в первой половине 1880-х годов.

Однако уже летом 1885 г. ситуация стала меняться. В середине 1880-х годов сложная геополитическая ситуация вокруг Чосон, спровоцированная обострением англо-русского соперничества на Ближнем Востоке, привела к британской оккупации островов Комундо (также известных как Порт Гамильтон) в южной акватории Корейского полуострова. Стремясь разрешить проблему с незаконным присутствием британского флота на территории Кореи, правитель государства Кочжон предпринял попытку по сближению с Россией. Пасы в сторону геополитических соперников (помимо конфликта на Ближнем Востоке между Англией и Российской империей, существовала также проблема территориального диспута в отношении Илийского края между правительствами в Пекине и Санкт-Петербурге) насторожили и Англию, и Китай. 26 июня 1885 г., стремясь сорвать российско-чосонское сближение, британский министр в Сеуле объявил о намерении своего правительства освободить захваченные им острова, если Кочжон откажется от переговоров с русскими [Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 1, the Initial Period, 1883—1886, p. 79]. Правитель Чосон поверил словам англичан и в самый последний момент денонсировал русско-корейское партнерство. Однако это не принесло мира на Корейский полуостров: несмотря на данное обеща-

ние, британский флот не покинул Комуудо, а раздраженный мятежным поведением своего вассала Китай начал ужесточать контроль над Чосоном. Уже к весне 1886 г., на фоне всё возрастающего дипломатического и политического давления со стороны Китая и ослабленных позиций России, Кочжону не оставалось иного выбора, кроме как обратиться к Японии.

5 марта 1886 г. Кочжон заявил, что для надлежащего рассмотрения вопросов, касающихся двусторонних корейско-японских отношений необходимо создать постоянное представительство в Токио, и назначил первого временного поверенного в делах Ли Хонёна (李永) [조선왕조실록, том 23, 23.1.30 Капча]. К сожалению, на фоне оппозиции со стороны прокитайски настроенных сановников эта инициатива правителя провалилась: вступление Ли в должность затянулось до середины лета, затем, 3 июля 1886 г., было объявлено о том, что Ли Хонён и вовсе не сможет исполнять свои обязанности [한철호, с. 287]. Тем не менее Кочжон от идеи не отказался, но не стал торопить события, выбрав более осторожный подход. Только через год правитель Чосон попытался вернуться к этому вопросу снова.

6 июля 1887 г. он заявил, что отсутствие полномочного представителя Чосон в Японии наносит ущерб дружеским отношениям между соседними странами [조선왕조실록, том 24, 24.5.16 Имсин]. В тот же день Мин Ёнчжун (閔榮駿), племянник королевы Мин, и Ким Гачжин (金嘉鎭), доверенное лицо Кочжона, были назначены на должности полномочного посланника и его заместителя соответственно. Последовала активная подготовка к отправке дипломатов, и уже 3 августа 1887 г. Мин, Ким и группа сановников, назначенных, чтобы составить административный ресурс корейского посольства в Токио, отправились в Японию [한국의대외관계와 외교사 근대편, с. 351]. Очевидно, что кандидатуры на пост корейского посланника и его заместителя были стратегически выбраны, чтобы минимизировать возможное китайское вмешательство. На роль главы посольства Чосон был необходим сановник, чей политический авторитет был бы не зависим от прокитайской фракции в правительстве страны или непосредственно от Китая. При этом наличие навыков и опыта, необходимых для успешной дипломатической деятельности в Токио, были вторичны: до своего назначения Мин Ёнчжун был слабо вовлечен в политические перипетии правительства в Сеуле и вовсе не имел никакого дипломатического опыта. Однако все это не имело значения, потому Мин, благодаря своему происхождению, был идеальным кандидатом, который мог гарантировать, что делегация Чосон не только благополучно покинет полуостров, не встретив значимого сопротивления со стороны Китая и симпатизирующих ему корейских сановников, но и будет серьезно воспринята правительством в Токио.

Очевидно, однако, что Мин Ёнчжун не был доверенным лицом Кочжона, способным проводить необходимую правителю Кореи дипломатическую линию. Поэтому после завершения процедур, связанных с установлением полномочного представительства Чосон в Токио, Мин должен был покинуть Японию, передав управление посольством в руки Ким Гачжина. Никто из участников этого плана, несмотря на деликатность ситуации, не стремился держать его в секрете: уже 30 августа 1887 г. в интервью одной из японских газет Мин Ёнчжун открыто зая-

вил, что планирует вернуться в Чосон в ближайшее время. Параллельно с этим японские печатные СМИ опубликовали ряд статей, описывающих Ким Гачжина как доверенное лицо корейского правителя, реально управляющее вновь созданным посольством [한철호, с. 295]. Даже китайский посланник в Сеуле, отмечая полное отсутствие у Мин Ёнчжун таланта к дипломатии, раскрыл эту хитрую схему [이해인, 2019]. В свете вышеизложенного можно сделать вывод, что, понимая реальную ситуацию, Мин Ёнчжун стремился как можно скорее завершить свои обязанности в Токио и вернуться на родину. Однако обстоятельства его отправки в Японию — спешные и, кроме того, продиктованные незнанием международного дипломатического протокола — сделали быстрый отъезд невозможным.

На следующий день после прибытия в Токио, 17 августа, Мин и Ким посетили МИД Японии, намереваясь вручить свои верительные грамоты. Вероятно, именно тогда в официальных документах корейский дипломатов было обнаружено несоответствие нормам дипломатического протокола, которое Мин Ёнчжун по факту назвал «формальной ошибкой» [한철호, с. 294]. О проблеме было незамедлительно сообщено в Сеул. Текст был переписан уже 28 августа, однако курьер доставил новые, исправленные документы только 15 сентября [한철호, с. 294]. Примерно месяц Мин и Ким пребывали в Токио в полуофициальном качестве. Это, тем не менее, не воспрепятствовало организации и проведению церемонии официального открытия корейского посольства, которая состоялась 7 сентября 1887 г. 20 сентября новые верительные грамоты были переданы в японский МИД, и уже на следующий день Мин Ёнчжун покинул Токио, возложив курирование деятельности корейского посольства на своего заместителя, Ким Гачжина [Japan Center for Asian Historical Records (JACAR) Ref.B18010362100, 6.1.8.4_17]. Как и планировал Кочжон, Мин Ёнчжун больше не вернулся в Японию в должности полномочного посланника Чосон.

Однако примечательно, что отъезд Мина не изменил формальный статус Ким Гачжина. По крайней мере не сразу. Официальный приказ о назначении Кима на должность корейского посла был отдан лишь в конце 1888 г. [조선왕조실록, том 25, 25.11.17 Имчжин] События, развернувшиеся в это время на Корейском полуострове, можно рассматривать как прямую причину для этой задержки.

После успешной отправки посланников в Японию, Кочжон объявил о своем намерении открыть дипломатические миссии в других трактатных державах Чосон, после чего назначил двух государственных чиновников представлять интересы страны в США и пяти европейских государствах (Англия, Германия, Россия, Италия и Франция) [조선왕조실록, том 24, 24.6.29 Ыльмё]. Это привлекло пристальное внимание Китая. Первые сообщения о мятежных действиях корейского правителя дошли до китайских властей в середине сентября 1887 г. [한국의 대외관계와 외교사 근대편, с. 352] Китайский посланник в Сеуле попытался убедить Кочжона отказаться от рискованной идеи [Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 2, the Period of Growing influence, 1886—1895, p. 102], но когда стало очевидно, что уговоры не возымели должного эффекта, перешел к более суровым методам: 24 сентября 1887 г. китайские военные преградили путь делегации корейских сановников,

назначенных представлять интересы Чосон в США [Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 2, the Period of Growing influence, 1886—1895, p. 101]. В результате переговоров между Китаем и Кореей, продолжавшихся вплоть до января 1888 г., Чосон были навязаны так называемые правила («Правила поведения», далее — «Правила»), обязательные для соблюдения всеми корейскими дипломатическими представителями.

Эти «Правила», по сути, сделали невозможным для Чосон проведение независимой дипломатической линии. Однако в них была лазейка: директивы Китая были ориентированы на государственных чиновников в ранге полномочного посланника и не содержали никаких указаний относительно более низких должностей, включая заместителей посла. Таким образом, поскольку Мин Ёнчжун, действующий полномочный министр, отсутствовал в Японии, а Ким Гачжин состоял в должности его заместителя, то действие «Правил» формально на Кима не распространялось, позволяя посольству в Токио сохранить видимость полноценно функционирующего дипломатического представительства. Этот статус-кво продлился до 17 ноября 1888 г., когда, очевидно, под давлением, Кочжон назначил Ким Гачжина полноправным министром в рамках навязанных Китаем «Правил».

Тем не менее, даже находясь в статусе заместителя полномочного посланника, Ким был активно вовлечен в дипломатическую деятельность. В декабре 1887 г. выяснилось, что японский гражданин незаконно срубил 71 дерево на Уллындо — острове, расположенном в 120 км к востоку от Корейского полуострова в Восточном (Японском) море. Этот кусок земли, зажатый между двумя странами, был традиционным источником напряженности, который Кочжон активно использовал в качестве козыря в переговорах с японцами. Следуя линии правителя, Ким Гачжину пришлось вести переговоры об инциденте от имени центрального правительства Чосон. В результате его консультаций с японскими чиновниками была внесена поправка в ст. 33 Правил торговли между двумя странами (1883), запрещающая незаконную деятельность. Кроме того, Киму удалось договориться о штрафе для нарушителя в размере 50 мунов [한철호, с. 306]. Примечательно, что в условиях дипломатической напряженности между Китаем и Чосон, которая к концу 1887 года была в самом разгаре, Ким Гачжину удавалось коммуницировать с японскими чиновниками с позиции равноправного дипломатического партнёра. В конце 1888 г. повышение по службе внесло коррективы в особенности его дипломатической коммуникации.

Вплоть до второй половины 1890 г. дипломатическая деятельность посольства Чосон в Токио практически свелась к нулю. Однако разворачивающаяся региональная нестабильность, вызванная российско-корейским сближением (отправка корейского посланника в Санкт-Петербург в конце 1889 г.) на фоне охлаждения китайско-японских и корейско-японских отношений, вновь вернула актуальность вопросу зависимости Чосон от Китая. Ожидалось, что, следуя «Правила», Ким Гачжин, оказавшийся в центре этого водоворота, приложит усилия для стабилизации ситуации. Однако публичная позиция Кима в данный период только подлила масла в огонь нарастающих японско-китайских противоречий.

С самого начала своей дипломатической деятельности в Японии Ким пытался дистанцироваться от влияния Китая, редко навещая китайского представителя в Токио [이해인, 2019]. Очевидно, что целью этого поведения было утверждение образа Чосон как полноправного участника дипломатических обменов в регионе. Однако во второй половине 1890 г. и Китай, и Япония подняли вопрос о суверенности государства на Корейском полуострове. Так, ранней осенью китайский посланник в Токио сообщил Ким Гачжину, что, по его мнению, среди азиатских стран только Китай и Япония пользуются полной независимостью [김위현, с. 144]. Позиция министра иностранных дел Японии, Аоки Сюдзо (青木 周蔵), оказалась схожей: встречаясь с Кимом в октябре, он предположил, что Чосон — это квази-суверенное государство [Японский стол, 493.896, лист 291 и оборот]. Оба раза Киму пришлось доказывать исторический суверенитет Кореи, причем на встрече с Сюдзо он даже пояснил, что дипломатические обмены с Китаем — это не более как следование традициям. Кульминация «крестового похода» Кима пришлась на середину июля следующего, 1891 г. и ознаменовалась его публичным заявлением, что Чосон входит в число трёх «восточных государств» и что его процветание «зависит от соседних стран». Заявление Кима достигло цели, вызвав недоумение у иностранных дипломатических представителей в Токио. Российский посол даже запросил разъяснений, какие именно государства призваны обеспечить процветание Чосон, а затем обсудил заявление Кима с министром иностранных дел Японии [Японский стол, 493.896, лист 291 и оборот]. Провокационное поведение корейского посланника в Токио вредило и без того простым японско-китайским отношениям. Стремясь сгладить назревающий корейско-китайский конфликт, в середине 1891 г. японское правительство даже планировало отправить специального посланника в Пекин, чтобы уговорить правительство срединного государства ободрить внешнедипломатическую деятельность своего вассала (создание дипломатической миссии в Европе) [Japan Center for Asian Historical Records (JACAR) Ref.B03030400100, 1-2-1-7_001].

Тем не менее в начале 1890-х годов Токио стал главным центром дипломатии Чосон. Япония находилась вне прямого влияния Китая, ее правительство поддерживало дипломатическую линию Кочжона, а в столице проживали дипломатические представители всех крупнейших стран Запада. Все это закрепило за корейским посольством в Токио статус основного официального дипломатического канала страны. В конце августа 1891 г. для помощи Киму Гачжину был назначен новый секретарь, Квон Чжэхён (權在衡). Можно с уверенностью предположить, что назначение Квона не являлось символическим жестом, а было направлено на усиление дипломатической репрезентации Чосон на фоне разворачивающихся переговоров о подписании договора с Австро-Венгрией.

Идея договора была предложена заместителем австрийского посла в Японии еще в конце 1889 г. [송정원일기, 1890.02.11] В середине сентября 1890 г. австрийские дипломатические представители посетили Сеул [Kneider, p. 13]. Однако сам переговорный процесс, несмотря на его открытость, проходил не на Корейском полуострове, а в месте, свободном от китайского политического влияния — в Токио. Эта предосторожность оказалась очень трудозатратной. Поскольку Киму Гачжину приходилось каждый раз лично докладывать правителю о предложен-

ных австрийской стороной формулировках и условиях договора, он часто отсутствовал в посольстве. Поэтому к концу ноября 1891 г. фактически переговоры с корейской стороны вел Квон Чжэхён. К началу 1892 г. текст договора был окончательно одобрен обоими правительствами [Японский стол, 493.896, лист 59—60] и, несмотря на все трудности, подписан в Токио 29 мая.

Дипломатический успех корейского посольства в Токио был признан другими западными державами, побуждая их вступить в трактатные отношения с государством на Корейском полуострове. В конце февраля 1892 г. испанскому посланнику в Токио было приказано вступить с Чосон в соответствующие переговоры [Японский стол, 493.896, лист 59—60]. В свою очередь, интерес со стороны западных держав положительно сказался на дипломатических позициях Чосон в регионе. Так, в июне того же года сообщалось, что Квон Чжэхён участвует в консультациях с представителями США, Великобритании, Германии, России и других трактатных держав [근대동아시아 외교문서 해제 6: 중국편, с. 185]. Судя по всему, целью этих встреч был пересмотр правил торговли. Хотя эти консультации ни к чему не привели, деятельность Квона в Токио была для Китая щелчком по носу: правительство в Пекине следило за ситуацией, но повлиять на нее не могло.

В этот же период активизировались дипломатические консультации с Японией. Их цель — закрыть о. Уллындо для японских мореплавателей в обмен на открытие Пхеньяна для международной торговли. Консультации проходили сложно и зашли к началу 1892 г. в тупик, что, как сообщается, способствовало охлаждению отношений между двумя странами [Японский стол, 493.896, лист 334—340]. Пытаясь сохранить свое политическое присутствие на Корейском полуострове, осенью того же года министерство иностранных дел Японии выступило с радикальным предложением «закрыть» Уллындо в обмен на разрешение японским гражданам селиться на островах вблизи Пусана [Японский стол, 493.897, лист 339—343]. Осознавая геополитические последствия этого предложения (оно вызвало шквал критики и недоумения со стороны других трактатных держав Чосон), в октябре 1892 г. японский министр иностранных дел Муцу Мунэмицу (陸奥 宗光) даже пообещал Квон Чжэхёну внести правки в ст. 10 договора Канхваский договор 1876 г., согласно которой японские граждане обладали правом экстратерриториальности на Корейском полуострове. Он заявил, что власти Чосон получают право осуществлять правосудие над японскими гражданами, если в стране будет принят уголовный кодекс, основанный на прецедентном праве. Эта инициатива японского правительства стала известна в Сеуле лишь в конце апреля 1893 г. Кочжон отнёсся к ней серьёзно: 14 мая Ким Гачжин был наконец освобожден от своих обязанностей, и на его место был назначен новый полномочный посланник — Ким Сачхоль (金思轍) [조선왕조실록, том 30, 30.3.29 Синхэ]. Интересно отметить, что дипломатический статус нового посланника не следовал «Правилам», навязанным Чосон Китаем в конце 1887 г. Сменили и секретаря посольства: вместо Квон Чжэхёна был назначен Ю Гихван (兪箕煥). Кочжон даже предложил публично объявить о приезде Кима в Токио [승정원일기, 1893.05.20] и приказал выплачивать ему зарплату ежедневно, а расходы на одежду покрывать за счет государства [승정원일기, 05.19.1893]. Все эти решения были беспрецедент-

ными для того времени и характеризовали повышенные надежды, которые корейский правитель возлагал на своих посланников.

Как уже отмечалось выше, после успешного заключения договора с Австрией у Чосон возникла перспектива сближения и с другими европейскими странами. Помимо Испании о желании вступить в трактатные отношения высказались и Нидерланды [송정원일기, 1893.06.17]. Оценивая перспективность сближения с этими державами, Кочжон приказал Ким Сачхолю составить один типовой проект договора, который обсуждался бы с представителями Испании и Нидерландов отдельно [송정원일기, 1893.06.17]. Интересно отметить, что правитель Чосон сознательно отказался от составления двух отдельных документов, очевидно намереваясь создать новый стандарт международных договоров для своей страны.

Получив эти указания, Ким должен был вскоре отправиться в Японию, однако его отъезд был отложен примерно на два месяца. Судя по всему, причиной этой задержки стало давление со стороны Китая: Ким Сачхоль покинул страну только в конце августа [Japan Center for Asian Historical Records (JACAR) Ref.V18010363100, 6.1.8.4_17], за несколько дней до этого его дипломатический статус был изменен в соответствии с «Правилами» [송정원일기, 1893.08.19]. Однако не только давление со стороны Китая нанесло отпечаток на деятельность нового руководства корейского посольства в Токио.

В начале 1894 г. в правительстве Чосон была разработана операция, направленная на физическое устранение основных зачинщиков мятежа года Капсин (1884) — Ким Оккюна (金玉均) и Пака Ёньхё (朴泳孝), нашедших укрытие в Японии. Если Ким Оккюна планировалось убить вне пределов японского архипелага, то убийство Пака Ёньхё предполагалось совершить в помещении школы, которую он недавно основал (親隣義塾, 1893). В конце марта два эмиссара, которым было поручено физически устранить Пака, прибыли в Токио. Один из них, так и не успев совершить запланированное, был арестован полицией, второму повезло больше — он успел скрыться на территории корейского посольства в Токио. Тем не менее вскоре и он был обнаружен японскими правоохранительными органами, которые обратились к Ю Гихвану, замещавшему в это время находящегося в отпуске Ким Сачхоля, с просьбой выдать подозреваемого для проведения допроса. Ю, указывая на экстерриториальность посольства (которую по договору 1876 г. корейская дипломатическая миссия в Токио не имела) отказался это сделать. Однако через несколько дней убийцу все-таки арестовали, выманив за пределы корейской миссии [한철호, с. 308]. В знак протеста против действий японской полиции, которые Ю Гихван счёл незаконными, на следующее же утро он уехал в Сеул, сообщив министру иностранных дел Японии и другим иностранным представителям в Токио, что покидает страну, чувствуя себя не способным защитить интересы своей родины [Японский стол, 493.899, лист 119—120]. Это вызвало дипломатический скандал, в ходе которого японское правительство, как сообщается, пригрозило отозвать своего представителя в Чосон и прервать дипломатические обмены между двумя странами. Опасаясь осложнений, Кочжон издал резолюцию, в которой действия Ю Гихвана описывались как самовольные, а сам он был немедленно уволен с поста секретаря посольства [한철호, с. 308].

На этом инцидент был исчерпан, однако дальнейшее развитие событий помешало Чосон и Японии восстановить подпорченные выходкой Ю Гихвана отношения. С начала апреля 1894 г. по Корейскому полуострову быстро распространялось крестьянское восстание Тонхак (동학 농민 운동). Повстанческая деятельность корейских крестьян предоставила Китаю и Японии возможность ввести свои войска на территорию полуострова. Однако правительство Чосон, кажется, не подозревало о сгущающихся тучах: Кочжон, заинтересованный в восстановлении реноме корейского представительства в Токио, планировал реставрацию пострадавшего при пожаре здания посольства и напутствовал Ким Сачхолю, готовящемуся вернуться в Японию для принятия участия в праздновании двадцать пятой годовщины правления императора Мейдзи, внимательно следить за международной реакцией на это событие [송정원일기, 1894.03.27].

В конце мая — начале июня 1894 г. Ким вернулся в Токио [Japan Center for Asian Historical Records (JACAR) Ref.B18010363400] только для того, чтобы узнать, что японский военный контингент высадился в районе Инчхона. Его переговоры с японскими властями, в рамках которых корейский посланник настаивал на выводе японских войск с Корейского полуострова [한철호, с. 307], не увенчались успехом, внеся разлад в корейско-японские отношения, а начавшаяся 25 июля 1894 г. первая Японо-китайская война поставила окончательный крест на активной фазе корейской дипломатии в Токио.

Библиографический список

- Архив Внешней Политики Российской Империи, фонд № 493 «Японский стол».
- Kneider, Hans-Alexander.* Korean Foreign Relations in Historical Perspective: Austro-Hungarian Ties with Korea. Central Europeans in Korea: Alice Schalek, Alma Karlin, Fritz Hansgirt, and Many Others. Vienna: Praesens, 2020, p. 13.
- McCune, George; Harrison, John.* Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 1, the Initial Period, 1883—1886. University of California Press, 1951, p. 79.
- Palmer, Spencer J.* Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 2, the Period of Growing influence, 1886—1895. University of California Press, 1963. Pp. 101—102.
- 김위현. 동농 김가진전 [Ким Вихён. История Тоннон Ким Гачжина]. 학민사, 2009, с. 144. (На кор.).
- 송정원일기 [Сынчжонвон Ильки], URL: <https://sjw.history.go.kr/search/inspectionList.do>. (дата обращения: 14.12.2023). (На кор.).
- 윤한택. 근대동아시아 외교문서 해제 6: 중국편 [Юн Хантхэк. Дипломатические Восточноазиатские документы нового времени, 6: Китай]. 선인, 2017, с.185. (На кор.).
- 이해인. «조선은 독립국이다» 동농 항의에 청나라·일본 외교관이 움찔했다 [Ли Хэин. «Чосон — независимая страна» Дипломаты династии Цин и Японии вздрогнули от заявления Тоннона]. 아주경제, 2019. URL: <https://www.ajunews.com/view/20190123173454788>. (дата обращения: 14.12.2023). (На кор.).
- 조선왕조실록 [Чосон ванчжо силлок]. URL: <https://sillok.history.go.kr/main/main.do>. (дата обращения: 14.12.2023). (На кор.).
- 한국의 대외관계와 외교사 근대편 [Дипломатическая история Кореи нового времени]. 서울: 동북아역사재단, 2018, с. 351—352. (На кор.).

한철호. 개화기(1887—1894) 주일 조선공사의 파견과 외교 활동 [Хан Чхольхо. Назначение и деятельность корейского посла в Японии (1887—1894)]. 한국문화, 2001, № . 27, с. 285—324. (На кор.).

Japan Center for Asian Historical Records (JACAR) [Японский центр азиатских исторических письменных источников]. URL: <https://www.jacar.go.jp>. (дата обращения: 14.12.2023). (На яп.).

References

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Foundation № 493 “Japanese Table”. (In Russian).

Kneider, Hans-Alexander (2020). Korean Foreign Relations in Historical Perspective: Austro-Hungarian Ties with Korea. Central Europeans in Korea: Alice Schalek, Alma Karlin, Fritz Hansgirg, and Many Others. Vienna: Praesens, 13 p.

McCune, George; Harrison, John (1951). Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, volume 1, the Initial Period, 1883—1886. University of California Press, 79 p.

Palmer, Spencer J. (1963). Korean-American Relations. Documents Pertaining to the Far Eastern Diplomacy of the United States, Vol. 2, the Period of Growing influence, 1886—1895. University of California Press, 1963: 101—102.

김위현. (2009). 동농 김가진전 (Kim Wihyŏn. Tongnong Kim Gajin jŏn) [Kim Wihyŏn. Story of Tongnong Kim Gajin], *Hangminsŏ*, 144 p. (In Korean).

승정원일기 (Sŭngjŏngwŏnilgi) [Seungjeongwon ilgi]. URL: <https://sjw.history.go.kr/search/inspect/onList.do> (accessed: 14.12.2023). (In Korean).

윤한택 (2017). 근대동아시아 외교문서 해제 6: 중국편 (Yun Hany'aek. Kŭndae dongasia oegyo munsŏhaeje 6: chunggukp'yŏn) [Yun Han T'aek. Modern East Asia Diplomatic Documents, 6: China]. *Sŏnin*, 185. (In Korean).

이해인. (2019). “조선은 독립국이다” 동농 항의에 청나라·일본 외교관이 움찔했다 (Lee Haein. “Chosŏnŭn tongni-pkugida” Tongnong hangŭie ch'ŏngnara-ilbon oegyogwani umtchirhaetta) [Lee Haein. “Chosŏn is an independent country” Diplomats from the Qing Dynasty and Japan flinched at the protest from Tongnong.] *Ajgyŏngje*, URL: <https://www.ajunews.com/view/20190123173454788> (accessed: 14.12.2023). (In Korean).

조선왕조실록 (Chosŏnwangjosillok) [Annals of the Joseon Dynasty]. URL: <https://sillok.history.go.kr/main/main.do> (accessed: 14.12.2023). (In Korean).

한국의 대외관계와 외교사 근대편 (Han'gugŭi taewegwan'gyewa oegyosa kŭndaep'yŏn) [Korea's foreign relations and modern diplomatic history]. *Sŏul: tongbugayŏksajaedan*, 2018: 351—352. (In Korean).

한철호. (2001). 개화기(1887—1894) 주일 조선공사의 파견과 외교 활동 (Han Ch'ŏrho. Kaehwagi (1887—1894) chuil chosŏn'gongsaŭi p'agyŏn'gwa oegyo hwaldong) [Han Ch'ŏrho. Enlightenment period (1887—1894): Dispatch of the Chosŏn envoy to Japan and their diplomatic activities], *한국문화 (Han'gungmunhwa)*, no.27: 285—324. (In Korean).

Japan Center for Asian Historical Records (JACAR). URL: <https://www.jacar.go.jp>. (accessed: 14.12.2023). (In Japanese).

Поступила в редакцию: 08.11.2023

Received: 08.11.2023

Принята к публикации: 21.11.2023

Accepted: 21.11.2023